Г. С. СТАРОСТИН

Старостин Георгий Сергеевич
кандидат филологических наук
заведующий, Лаборатория востоковедения,
ШАГИ РАНХиГС
Россия, 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
Тел. +7 (499) 956-96-47
E-mail: gstarst1@gmail.com

ДРЕВНЕКИТАЙСКАЯ ПОЭТИЧЕСКАЯ АНТОЛОГИЯ «ШИЦЗИН» И ПРОБЛЕМА ЛИНГВОФИЛОЛОГИЧЕСКОГО КОММЕНТИРОВАНИЯ

Аннотация. Статья вкратце обосновывает необходимость разработки нового типа «лингвофилологического» комментария к классическим текстам древнекитайской цивилизации, в рамках которого принципы чисто филологического комментирования, восходящие к китайской традиции, органично сочетались бы с новейшими достижениями этимологического, лексикологического и грамматического анализа древнекитайского языка разных периодов. В частности, обсуждается механизм создания такого комментария для классической поэтической антологии «Шицзин» (I тыс. до н. э.), уже давно являющейся объектом как филологических, так и чисто лингвистических исследований; конкретная модель того, как может выглядеть комментарий, демонстрируется на примере нескольких строф первого стихотворения антологии.

Ключевые слова: лингвофилологическое комментирование, китайская филология, древнекитайский язык, классическая китайская поэзия, Шицзин

Общая постановка проблемы

Несмотря на то что за последние годы в отечественной синологии появилось немало интересных и во многом новаторских подходов к исследованию, переводу и комментированию наследия классиче-

© Г. С. СТАРОСТИН

ской китайской традиции[1], нельзя не отметить, что, к сожалению, при всех неоспоримых достоинствах большинству такого рода работ, с которыми имел возможность ознакомиться автор данной статьи, присущ (по причинам скорее объективного характера) один общий недостаток: как правило, в них плохо или вообще не учитывается тот опыт, который за последние полвека накоплен в синологии в плане изучения самых разных аспектов древнекитайского (далее — ДК) языка — начиная с базовой фонетики и грамматики и заканчивая более сложными вопросами, такими как лексическая сочетаемость, графическая репрезентация текста и хронологическое и ареальное разнообразие вариантов ДК языка.

Фактически ситуация складывается так, что деятельность китаистов-лингвистов, изучающих в первую очередь фонологическую, грамматическую и прочие структуры разных этапов развития китайского языка и использующих китайский текст лишь как вспомогательный инструмент, а также деятельность китаистов-филологов, исследующих художественные, философские, исторические и прочие аспекты литературных текстов на классическом китайском языке, по большому счету не пересекаются, несмотря на, казалось бы, совершенно естественную взаимосвязь между текстом и языком, на котором он написан.

Так, за исключением разве что С. Е. Яхонтова, перу которого принадлежат переводы отрывков исторической хроники «Цзо чжуань»[2], отечественные (впрочем, как и западные) лингвисты-синологи почти никогда не прикладывали свои таланты к филологическому исследованию и переводу текстов; и наоборот, талантливые исследователи и переводчики китайской классики чрезвычайно редко и в целом неохотно используют в своей деятельности результаты новейших (и даже не только новейших) лингвистических исследований. Последнее, ввиду весьма своеобразной специфики устройства ДК языка (и весьма специфического понимания этого устройства, которое мы обнаруживаем как в самой китайской традиции, так и в старых работах европейских исследователей), легко приводит к отрыву от реальности, когда новые толкования тех или иных отрывков текста или их литературные переводы начинают опираться на неверные или даже принципиально невозможные способы грамматического анализа или просто не учитывают чрезвычайно важных для правильного понимания этих текстов сведений из области древнекитайской исторической фонетики, графики, этимологии, диалектологии и т. п.

---

[1] Из числа переводов классических памятников, снабженных обстоятельным исследовательским комментарием, следует, в частности, отметить работу Ю. Л. Кроля над памятником эпохи Хань «Трактат о соли и железе» [Хуань Куань 2001–2002], а из числа совсем свежих работ, наглядно демонстрирующих живую силу традиции, — полный (хотя и не столь подробно откомментированный) перевод философского трактата «Хуайнаньцзы», выполненный Л. Е. Померанцевой [Хуайнаньцзы 2016].

[2] См. избранные отрывки, опубликованные в [Лисевич 1994: 55–66].

В целях большей наглядности перечислим лишь самые основные проблемы, характеризующие разные уровни ДК языка, для решения которых в современной синологии разработана методология, принципиально отличная от более традиционной[3].

1. В области фонетики за последние полвека достигнут колоссальный прогресс: такие актуальные на сегодня модели реконструкции ДК фонологии как система С. А. Старостина [Старостин 1989], У. Бэкстера [Baxter 1992] и обновленная модель Бэкстера–Сагара [Baxter, Sagart 2014], позволяют не только с высокой степенью вероятности определить звуковой облик китайских слов I тыс. до н. э. (что особенно важно для исследований в области китайской истории и поэтологии), но и очертить круг возможных звуковых ассоциаций между словами, имеющими общее этимологическое происхождение или случайно созвучными (что очень важно для реконструкции процесса эволюции традиционной китайской картины мира).

2. В области грамматики уже начиная с основополагающих работ Бернгарда Карлгрена 1930-х годов развеялось традиционное представление об «идеально изолирующем» характере ДК; сегодня в работах Л. Сагара [Sagart 1999], А. Шюсслера [Schuessler 2007], В. Бера [Gassmann, Behr 2008] и других ведущих синологов активно развивается исследовательская линия, ставящая целью реконструкцию основных механизмов словообразовательной морфологии в ДК, что опять-таки имеет ключевое значение для нащупывания таких парадигматических связей между ДК словами, о которых до недавнего времени синология не имела ни малейшего представления.

Помимо этого, серьезные успехи были достигнуты также в таких областях, как ДК синтаксис и правила лексической сочетаемости — в рамках подхода, который рассматривает ДК в первую очередь как (неидеальное) отражение в иероглифическом письме живых разговорных норм своего времени, а не как искусственный конструкт, для которого свойственны совершенно иные правила (или даже вообще отсутствие правил), чем для естественного живого языка (см. об этом подробнее: [Старостин 2012]).

3. В области графики претерпели радикальное изменение представления об истории и функционировании китайской письменности в I тыс. до н. э., в первую очередь благодаря многочисленным археологическим находкам, ставшим доступными широкой общественности за последние 20–30 лет[4]. В частности, стал очевиден чрезвычайно гибкий и изменчивый характер древней иероглифики, когда использование одного и того же знака для записи целой группы фонетически близких слов (как имею-

[3] Более подробно некоторые из этих проблем освещаются в недавно опубликованной автором двухчастной статье [Старостин 2012; 2016].

[4] Для изучения истории антологии «Шицзин» особое значение имеют обрывки текстов, раскопанных в могильниках Годянь (около 300 до н. э.), Мавандуй (168 до н. э.) и Шуангудуй (165 до н. э.); детальное описание графических особенностей этих текстов с конкретными примерами см. в [Kern 2005].

щих общее происхождение, так и случайно созвучных) являлось не исключением, а абсолютной нормой; очевидно также, что «нормализация» китайской орфографии, традиционно связываемая с именем реформатора Ли Сы в эпоху централизации Китая под властью династии Цинь (221–206 до н. э.), на самом деле протекала постепенно и непоследовательно, так что даже канонические версии классических памятников, кодифицированные в эпоху Хань, продолжали отражать эту непоследовательность и ни в коем случае не могут считаться «оптимальными» графическими отражениями классических текстов[5].

4. В области лексики и семантики происходит постепенный переход к «дискретизации» слова, скрывающегося за иероглифом, с пониманием того, что семантику ДК слова следует не только максимально конкретизировать, но и по возможности сопоставлять с определенным хронологическим периодом и ареальным (диалектным) окружением; этот подход резко противопоставлен традиционному представлению о размытом «семантическом поле», типично свойственном китайскому слову и позволяющем подбирать для него в зависимости от ситуации едва ли не любые значения, которые, по субъективному мнению исследователя или переводчика, так или иначе связаны с этим полем (см., в частности, заметки выдающегося исследователя грамматики и лексики китайского языка Дж. Чикоски: [Cikoski 2011]).

Все эти методологические инновации и полученные за их счет конкретные достижения во многом остаются вне поля зрения переводчиков и профессиональных филологов-текстологов, и это фактически приводит к необходимости создания принципиально нового для отечественной (и во многом даже для западной, не говоря уже о собственно китайской) синологии исследовательского направления — лингвофилологического комментария к классическому тексту, сочетающего критический подход к богатой традиции чисто филологического комментирования памятников с элементами детального и соответствующего современным стандартам лингвистического комментария. В первую очередь такой комментарий, конечно, должен будет ориентироваться на исследователей-синологов, но весьма желательно также сделать его по возможности доступным и для более широкого круга читателей — всех, кто так или иначе интересуется общими вопросами перевода, интерпретации и анализа классических китайских текстов.

Именно в рамках такого подхода автором данной статьи уже несколько лет последовательно ведется работа по созданию подобного комментария к одному из ключевых текстов китайской цивилизации — поэтической антологии «Шицзин» (далее — ШЦ; в русской традиции обычно переводится как «Книга песен» или «Канон поэзии»).

[5] Подробно о новых подходах к описанию и анализу ДК графики см., в частности, в фактически получивших классический статус монографиях [Boltz 1994; Qiu 2000].

Выбор ШЦ в качестве первого текста, на котором апробируется метод лингвофилологического комментирования, неслучаен. Во-первых, согласно как традиционной, так и большинству современных оценок ([Dobson 1968; Wang 1974] и т. д.), стихи ШЦ относятся к гораздо более раннему хронологическому периоду, чем основной массив прозаических текстов ДК философско-исторического канона, и написаны на отдельном диалекте (или, скорее, на нескольких отдельных диалектах) ранне-ДК языка, существенно отличавшегося и по своей лексике, и по грамматике от более позднего языка V–IV вв. до н. э., который впоследствии лег в основу китайского литературного языка *вэньянь*. Это означает, что уже в эпоху Хань (III в. до н. э. — III в. н. э.), когда проводилась основная работа по созданию литературного канона, тексты ШЦ в массе своей воспринимались неоднозначно и требовали комментаторской интерпретации, которая, в свою очередь, существенно зависела от априорного восприятия ШЦ как своего рода «этического кодекса» и во многом ориентировалась не на языковые знания или интуицию комментаторов, а на заранее заданное представление о буквальном и символическом смысле текста [Kuang 2005: 52]. В дальнейшем соответствующие комментаторские интерпретации передавались уже как авторитетные, в результате чего исходный смысл стихотворений мог искажаться до неузнаваемости; и хотя эта проблема в целом актуальна для любого текста, относящегося к ДК периоду, можно утверждать, что для ШЦ, в силу а) его более глубокой древности и б) очень раннего закрепления за ним функций, которыми его стихи изначально скорее всего не обладали, создание современного и максимально детализированного лингвофилологического комментария необходимо вдвойне.

Вторая важная причина заключается в том, что из всех ДК текстов именно ШЦ с сопоставимой частотностью оказывается в поле зрения как филологов (интерес которых здесь очевиден), так и лингвистов, исследующих историю ДК языка. В частности, именно рифмы ШЦ, начиная с классификационных трудов китайских ученых эпох Мин–Цин (см. подробный обзор в [Baxter 1992: 139–174]) и заканчивая историко-лингвистическими трудами европейских исследователей XX в. (Б. Карлгрен, У. Бэкстер, С. А. Старостин и др.), лежат в основе реконструкции ДК фонологической системы. Не случайно, что именно ШЦ, наряду со своим ранне-ДК прозаическим «коррелятом» «Шуцзин» («Канон документов»), был использован для уникального в европейской синологии опыта лингвофилологического комментирования, составленного Б. Карлгреном [Karlgren 1964], а в отечественной традиции идея создания обновленного историко-этимологического комментария к ШЦ принадлежит С. А. Старостину, в свое время предложившего собственную законченную модель реконструкции ДК фонологической системы [Старостин 1989]. К сожалению, по-настоящему приступить к реализации этой идеи ему при жизни так и не удалось, хотя отдельные оригинальные соображения относительно этимологизации архаичной лексики ШЦ, которые должны были войти в состав коммента-

рия, остались зафиксированными в незаконченном варианте цифрового историко-этимологического словаря ДК языка, находящегося сегодня в открытом доступе на сайте «Вавилонская башня» (http://starling.rinet.ru).

Подчеркнем, что в наши задачи ни в коем случае не входит создание полноценного культурологического комментария к ШЦ. Такого рода комментарии, особенно в Китае (как традиционном, так и современном), доступны в огромном множестве, а общий объем китайской и западной исследовательской литературы по ШЦ, накопленный за последние два века, столь велик, что на тщательную его оценку сегодня потребовалось бы, скорее всего, несколько жизней. Цели, которые стоят перед текущим проектом, намного более скромные, но в то же время, на наш взгляд, и более актуальные, чем простое создание «еще одного комментария»: речь идет о попытке свежим взглядом оценить в первую очередь языковую проблематику ШЦ и с этой точки зрения постараться снять с исходного текста филологические наслоения, которые были наложены на него в то время, когда не только язык ШЦ, но даже и более поздние и понятные формы классического ДК переходили в категорию письменной словесности-*вэнь*.

Мы исходим из следующих, в целом более или менее (хотя и не универсально) общепринятых на сегодняшний день постулатов относительно природы, функции и «смысловой эволюции» стихов, входящих в канонический состав ШЦ[6].

1. Все или по крайней мере бóльшая часть стихов ШЦ являются «подлинными» текстами, написанными на разных диалектах и, вероятно, на разных хронологических этапах эволюции раннедревнекитайского (РДК) языка (примерно X–VI вв. до н. э.), существенно отличавшегося в грамматическом и в лексическом плане от классического языка (КДК) V–III вв. до н. э.

2. ШЦ как фиксированный корпус текстов начинает иметь хождение никак не ранее эпохи Конфуция (которому традиция приписывает составление антологии), и даже в эпоху Хань еще имеют хождение альтернативные авторитетные варианты («школа Лу», «школа Ци», «школа Хань»), не говоря уже о, по-видимому, многочисленных локальных вариантах, существование которых подтверждается относительно свежими археологическими находками. Нет никаких оснований утверждать, что наиболее «аутентичным» текстом ШЦ является каноническая версия, так как возможность и сознательной графической и лексической редактуры текста, и ошибочной его передачи при переписывании письменных знаков или записи на слух равновероятна для любого из имеющихся в нашем распоряжении вариантов.

[6] Бóльшая часть этих постулатов достаточно эксплицитно сформулирована в предисловии к «Глоссам» Карлгрена [Karlgren 1964: 71–74]; с более современными, уточненными формулировками можно ознакомиться, например, в работе [Kern 2003], посвященной разнообразию версий ШЦ в свете новейших археологических данных.

3. Нет оснований говорить о какой-либо серьезной традиции «ответственной» передачи текста, снабженного подробным комментарием, вплоть до эпохи Западная Хань, когда косвенным следствием гонений на конфуцианцев и сожжения книг при династии Цинь стало появление в ханьском Китае жанра метатекстового филологического исследования. Следует констатировать существенный хронологический разрыв между временем создания текстов ШЦ и н а ч а л о м комментаторской традиции как таковой (а не просто «первыми дошедшими до нас комментариями»).

4. Ранние комментарии к ШЦ, такие как «Мао чжуань» Мао Хэна и «Мао чжуань цзянь» Чжэн Сяна, не могут претендовать на статус неоспоримого авторитета — как по причине (3), так и по причине определенной этико-политической ангажированности, поскольку эти комментарии преследовали вполне конкретную цель: раскрыть изначально нравоучительный символизм текстов ШЦ и тем самым объяснить, почему именно эти тексты были (якобы) отобраны Конфуцием из общего множества. Сверх того, на это накладывается отсутствие в ханьском Китае сколь-либо развитой грамматической теории, что существенно мешало корректной интерпретации комментируемых стихов.

В плане возможной «преемственности» наша работа призвана в первую очередь продолжить и развить методику глоссирования, разработанную Б. Карлгреном [Karlgren 1964], комментарий которого к ШЦ, на наш взгляд, должен иметь статус настольной книги для любого серьезного исследователя этого памятника — его можно условно считать «комментарием первого уровня», в котором проделывается базовая лингвистическая и текстологическая работа, естественно предшествующая более глубоким (но и, при должном учете «первичного» комментария, тем самым более тщательно обоснованным) исследованиям филологического, культурологического и философского характера. Тем не менее, несмотря на очевидную прогрессивность для своего времени, по состоянию на сегодняшний день даже комментарий Карлгрена далеко не полностью удовлетворяет базовым требованиям, которые следует предъявлять к «комментарию первого уровня».

Так, уделяя большое внимание фонетическому аспекту, Карлгрен в гораздо меньшей степени учитывает синтаксические и сочетаемостные характеристики глоссируемых слов, словосочетаний и идиоматических конструкций; текстологическая ценность комментария нередко снижается за счет чересчур вольного обращения с относительной хронологией памятников, а этимологический компонент (за исключением отдельных, иногда довольно субъективных внутренних этимологий) отсутствует в принципе. Однако самым главным недостатком «Глосс» Карлгрена безусловно является их лаконичность — сжатость комментария, с одной стороны, позволила автору завершить его при жизни, но, с другой, автоматически влечет за собой необходимость в очень многих случаях создания «комментария к комментарию», примерно так, как это в свое время было принято и в собственно китайской филологической среде.

Структура комментария

Разработанная на данный момент унифицированная структура лингвофилологического комментария к ШЦ имеет следующий вид:

1. Оригинальный текст (в иероглифической транскрипции), следующий традиционно-каноническому разбиению ШЦ на разделы и подразделы. Каждое стихотворение поделено (традиционно) на строфы (*чжаны*), каждой из которых соответствует отдельный подраздел комментария. Каждой строке стихотворения для удобства индексирования и ссылок присваивается индивидуальный номер (вида X.X.X.X.a, где первые четыре числа отражают, соответственно, основной раздел ШЦ, основной подраздел основного раздела, порядковый номер стихотворения внутри раздела и номер строфы, а буквы a/b/c/d и т. п. — позицию строки внутри строфы).

2. Оригинальный текст в древне- (ДК), средне- (СК) и новокитайской (современной китайской, НК) транскрипции. Параллельное расположение трех видов транскрипции позволяет наглядно оценить значительность звуковых изменений, имевших место за время, прошедшее от создания исходного текста до настоящего времени, и дать читателю хотя бы приблизительное представление о том, насколько фонетический облик ДК поэзии отличался от современного представления о ней, которое обычно возникает у китаиста, изучающего стихи ШЦ по современным чтениям иероглифов (отчасти важен здесь и чисто психологический момент — систематическая ДК транскрипция возвращает впечатление строгой рифмованности текста, которое никак не может создать прочтение его через современные нормы произношения).

Существенную трудность представляет необходимость выбора одной из нескольких актуальных на сегодняшний день моделей ДК реконструкции. В конечном итоге, несмотря на бóльшую популярность в современной западной синологии реконструкционной модели У. Бэкстера [Baxter 1992], а также на то, что за последнее время она существенно обновилась в ходе сотрудничества автора с Л. Сагаром [Baxter, Sagart 2014], мы все же остановились на более старой и в отдельных отношениях значительно более «консервативной» модели С. А. Старостина [Старостин 1989], несмотря на то что она (скорее по технически-конъюнктурным, чем сущностным причинам) в целом остается малоизвестной за пределами отечественной синологической традиции. Подробное обсуждение сравнительных достоинств и недостатков отдельных моделей реконструкции выходит далеко за рамки настоящей работы; следует лишь подчеркнуть, что различия между ними (касающиеся по большей части вопросов фонетической интерпретации реконструируемых фонологических оппозиций, а также чрезвычайно противоречивого вопроса о сочетаниях согласных в начальной позиции ДК слога) для неспециалиста будут иметь гораздо меньшее значение по сравнению с необходимостью создания хотя бы самого общего впечатления о внешнем звуковом облике древнекитайского текста.

Для полноты картины наряду с ДК реконструкциями (в хронологическом плане они представлены РДК вариантами эпохи примерного создания большинства стихов ШЦ, т. е. X–VII вв. до н. э.) мы приводим среднекитайские (СК) чтения тех же текстов, опять-таки в фонетической реконструкции С. А. Старостина, на период создания первых фонетических словарей китайского языка (VI–VII вв.). Это делается постольку, поскольку именно к раннесреднекитайскому периоду относятся наши первые достоверные з н а н и я о китайской фонологии (в отличие от ДК фонологии, которую с определенной степенью вероятности приходится все же р е к о н с т р у и р о в а т ь), и, следовательно, имеет смысл представлять текст ШЦ в этом варианте — даже несмотря на то, что классическая система ДК рифмовки в СК период уже была основательно разрушена. (В транскрибируемых текстах рифмующиеся слоги в ДК и в СК выделены жирным шрифтом; слоги, рифмовавшиеся в ДК, но переставшие рифмоваться в СК, выделены курсивом.)

3. Краткие сведения о

а) структуре рифмы (общая схема вида AABA, ABCB, ABAB и т. п.);

б) степени ее точности (по терминологии С. А. Старостина, рифмы делятся на т о ч н ы е, у которых из рифмующихся элементов слога полностью совпадают основные гласные, согласные терминали и пост-терминали; н е т о ч н ы е, когда у рифмующихся слогов могут варьировать пост-терминали *-h*, *-ʔ* и нуль; и с м е ш а н н ы е, когда различаются даже основные гласные слогов, например, *pʰen* — *min* и т. п.);

в) классе, к которому относится рифма, по уточненной по сравнению с традиционной номенклатуре С. А. Старостина (он выделяет для ШЦ 57 противопоставленных друг другу классов рифм).

4. Д о с л о в н ы й п е р е в о д. В непосредственно стоящие перед нами задачи н е в х о д и т попытка предложить полноценный литературный перевод на русский язык. В самом общем виде эта задача уже была давно решена А. А. Штукиным [Шицзин 1957], а все последующие опыты такого рода (например, отдельные куски ШЦ, относительно недавно переложенные на русский язык М. Е. Кравцовой [Кравцова 1994: 361–371]), в целом мало что дают в плане более глубокого раскрытия для русскоязычного читателя как буквального, так и эстетического (в частности, звукосимволического) смысла памятника. В любом случае для создания нового литературного перевода, более или менее органично интегрированного с лингвофилологическим комментарием, требуется выход за пределы чисто исследовательской работы[7].

[7] В этой связи перспективным выглядит планируемое в будущем сотрудничество автора с И. С. Смирновым в плане как создания нового литературного перевода, так и дополнения лингвофилологического комментария отдельным литературоведческим и историческим компонентом, развивающим общие идеи И. С. Смирнова относительно генезиса и функционирования ШЦ в Древнем Китае [Смирнов 2014].

Вместо этого на данном этапе разумным представляется создание д о с л о в н о г о перевода, по возможности приближенного к синтаксической и семантической (но, к сожалению, не фонетической, что невозможно вследствие фундаментальных типологических расхождений между русским и китайским языками) структуре изначального текста. В тех неоднозначных случаях, когда перед нами стоит возможность выбора нескольких русских смысловых или стилистических эквивалентов для того или иного китайского термина, этот выбор эксплицитно или хотя бы косвенно мотивируется непосредственно в тексте комментария.

5. К о м м е н т а р и й. В этом разделе с максимальной подробностью разбираются все явления фонетического, морфологического, синтаксического, семантического, идиоматического и этимологического характера, которые, на наш взгляд, требуют эксплицитного разъяснения, частично адресованного специалистам-синологам, частично — читателям широкого профиля, желающим подробнее ознакомиться с механикой функционирования ДК стихотворного текста. Как видно уже хотя бы из разбираемых в Приложении нескольких строф первого стихотворения ШЦ, такого рода комментарий на самом деле необходим буквально к каждой новой строке стихотворения (за исключением повторяющихся), а внутри этой строки — не менее чем к половине входящих в ее состав слов и идиоматических словосочетаний.

Наиболее существенный вопрос здесь касается основных источников для комментирования. Очевидно, что ими в большинстве случаев не могут служить обычные китайские толковые словари, даже наиболее подробные и авторитетные — такие как «Цы юань» («Источники слов», 1915–1984), «Цы хай» («Море слов», 1938–2009), «Хань юй да цыдянь» («Большой словарь китайского языка», 1986–1993) и т. п., поскольку сами эти источники носят вторичный характер и не обладают критической/исследовательской компонентой. Для разрешения любого рода спорных вопросов и сомнений необходимо опираться на источники другого рода, а именно:

(А) Классические комментарии. Полный учет всей комментаторской литературы по ШЦ, накопленной за последние две тысячи лет, невозможен по чисто техническим причинам, поэтому имеет смысл ограничиться небольшим числом «диагностических» работ, представляющих собой, согласно общему синологическому консенсусу, важнейшие вехи в историческом развитии шицзинистики или же особенно полезных в плане компиляции и сравнительного анализа мнений предшественников. Отобранные для консультаций работы равномерно представляют основные хронологические периоды и идеологические подходы к анализу ШЦ:

а) ханьский; это прежде всего «Мао ши гу сюнь чжуань» или, сокращенно, «Мао чжуань» (далее — МЧ), приписываемый Мао Хэну (II–I вв. до н. э.), а также «комментарий к комментарию» Чжэн Сюаня «Мао ши чжэн цзянь»

(далее — МЧЦ), лежащий в основе классической «имперской» концепции ШЦ как в первую очередь конфуцианско-нравоучительного текста[8];

б) сунский; здесь в качестве максимально репрезентативного образца выбран классический комментарий Чжу Си «Ши цзи чжуань» (ШЦЧ), во многом освободивший текст памятника от идеологических наслоений, но при этом все равно насыщенный субъективными интерпретациями автора[9];

в) минско-цинский; полный учет огромного пласта комментариев текстологической школы Мин–Цин вряд ли осмыслен за счет многочисленных элементов дублирования в соответствующих текстах, так что в качестве диагностического образца этой школы был выбран классический комментарий Ма Жуй-чэня (1782–1853), во многом суммирующий и обобщающий опыт предыдущих критических работ [Ма Жуй-чэнь 1989].

(Б) Специализированные (в основном западные) компендиумы и словари, посвященные либо китайской этимологии в целом, либо конкретно раннедревнекитайскому языковому состоянию. Здесь в первую очередь необходимо отметить бесценный исследовательский словарь Акселя Шюсслера [Schuessler 1987], богато иллюстрированный примерами и, в отличие от большинства китайских словарей, сопрягающий лексику литературных памятников со словарным материалом чжоуской (и даже шан-иньской) эпиграфики, что часто помогает конкретизировать связи между стихами ШЦ и их прототипами (или параллелями) в строго «прикладной» ритуальной словесности на бронзовых сосудах эпохи Западного Чжоу.

Этимологическая литература, имеющая определенную значимость для разрешения отдельных спорных моментов в тексте ШЦ, включает этимологический словарь ДК языка за авторством того же А. Шюсслера [Schuessler 2007]; сино-тибетский этимологический словарь И. И. Пейроса и С. А. Старостина [Peiros, Starostin 1996]; а также большую цифровую базу по китайской этимологии «BigChina», представляющую собой составную часть иерархической структуры «Вавилонская башня» (http://starling.rinet.ru) и составлявшуюся С. А. Старостиным на протяжении почти 20 лет. Помимо этого во внимание принимался большой пласт исследовательской литературы, так или иначе затрагивавший лексику ШЦ, от старых работ Б. Карлгрена (здесь особенно хочется отметить важность его классического лексикографического описания «Grammata Serica Recensa» [Karlgren 1957], до сих пор не утратившего актуальность и недавно переизданного с расширенным комментарием А. Шюсслера [Schuessler 2009]), Н. Бодмана, А. Масперо и др. и вплоть до более современных исследо-

[8] Ссылки на оба этих комментария и окказиональные цитирования из них в Приложении приводятся по изданию [Ли Сюэцинь 1999], куда входит также полный текст классического комментария Кун Ин-да (574–648), долгое время считавшийся наиболее авторитетным в традиции изучения ШЦ, но на самом деле представляющий значительно меньший интерес для исторического анализа памятника, чем комментарии Мао и Чжэн Сюаня, чьи идеи он (достаточно спекулятивно) развивает.

[9] Ссылки и цитаты даются по изданию [Чжу Си 1961].

ваний У. Бэкстера, Л. Сагара, В. Бера и других ученых, непосредственно занимающихся фонетикой, грамматикой и лексикологией РДК или удовлетворительно в них разбирающихся.

Сугубо вспомогательную роль могут играть издания переводов ШЦ на европейские языки — реальное значение имеют лишь те из них, которые в большей степени ориентированы на точность, чем на поэтичность перевода, и/или снабжены мощным комментаторским аппаратом. Здесь до сих пор, несмотря на общую устарелость методологии и чрезмерную зависимость от китайской традиции комментирования, сохраняет актуальность классический перевод на английский язык и комментарий Дж. Легга [Legge 1871], а также подстрочный перевод Б. Карлгрена [Karlgren 1950], который, впрочем, следует учитывать только в обязательной связке с его же «Глоссами» к ШЦ [Karlgren 1964], подробно обосновывающими спорные моменты в переводе.

(B) Наконец, важнейшим источником комментирования является сам по себе корпус древнекитайских текстов. Уже для многих представителей школы Мин–Цин было очевидно, что многие спорные вопросы интерпретации ШЦ невозможно решить, не прибегая к кропотливому анализу употребления соответствующих слов, идиом, конструкций в других памятниках ДК периода, с которыми они были хорошо знакомы в силу принадлежности к образованному сословию. Для современного исследователя (особенно западного, как правило, не имеющего возможности потратить все свое время на доскональное изучение всего огромного пласта ДК памятников) значительно облегчает ситуацию появление в последнее время целого ряда электронных корпусных ресурсов, позволяющих (через удобные поисковые механизмы) быстро и эффективно находить релевантные текстовые параллели к редким словам и конструкциям, не имеющим удовлетворительного объяснения в словарях и комментариях (разумеется, только там, где такие параллели действительно существуют).

Основным рабочим ресурсом такого рода, в частности, является вебсайт «Chinese Text Project» (http://ctext.org) под редакцией Д. Стерджена, на котором по состоянию на 2016 г. выложены практически все литературные тексты доклассического и классического (вплоть до эпохи Хань) периодов; вспомогательное значение также имеет проект «Thesaurus Linguae Sericae» К. Харбсмейера (http://tls.uni-hd.de), ориентированный на последовательную синтаксическую и семантическую разметку классических текстов. Следует отметить, что ни один из этих корпусов не включает ранних эпиграфических текстов (таких как чжоуские надписи на бронзе); чтобы учитывать эти данные, пока что требуется обращаться к специализированным печатным источникам (качественная оцифровка эпиграфических памятников, которая позволила бы привлекать их к обычному корпусному анализу, для большинства баз данных по этим памятникам пока не проведена).

Авторская специфика комментария

Несмотря на то что в нашем лингвофилологическом комментарии по возможности учитывается накопленный за два тысячелетия исследовательский опыт (по крайней мере, за счет сведения его к нескольким наиболее существенным реперным точкам), сам текст комментария все же не должен представлять собой просто компиляцию альтернативных мнений; их необходимо дополнять элементами оригинального исследования, цель которого — из всех существующих версий интерпретации текста отобрать наиболее правдоподобную, а в случае отсутствия таковой постараться предложить собственную альтернативу. Именно так устроены «Глоссы» Карлгрена, где автор комментария, перечислив основные комментаторские интерпретации спорных мест ШЦ, проводит их сравнительный анализ, дополняет новыми аргументами и в конечном итоге отбирает ту, в пользу которой набирается больше текстологических аргументов.

Следует подчеркнуть, что комментирование столь сложного (за счет, с одной стороны, своей древности, с другой — жесткой лаконичности, неизбежно присущей большинству классических форм китайской поэзии) памятника, как ШЦ, выходит далеко за рамки уточнения отдельных неясностей, конкретизации тех или иных терминов или выявления скрытых стилистических коннотаций. Во многих случаях стихи ШЦ, в зависимости от периода создания комментария и личных преференций комментатора, могут получать принципиально отличные друг от друга интерпретации; исследовательская задача в таких ситуациях сводится не столько к тому, чтобы доказать истинность одной из них, убедительно восстановив первоначальное и единственно верное значение текста, а к тому, чтобы, с одной стороны, корректно отфильтровать невероятные версии (невероятность которых может обосновываться, например, нарушением каких-то фундаментальных лингвистических закономерностей), с другой — постараться грамотно ранжировать оставшиеся в зависимости от количества и качества аргументов в их пользу.

Показателен пример строки 寘彼周行 из стихотворения «Цзюань эр» (1.1.3.1). В зависимости от того, какое чтение выбирать для последнего иероглифа (行 — *xíng* ‘идти, ходить; путь, дорога’ или *háng* ‘ряд, шеренга, группа’) и какое значение выбирать для предпоследнего (周 *zhōu* ‘обращаться, закругляться; круглый, завершенный, полный, исчерпанный’ или *zhōu* ‘царство Чжоу’), строка «технически» имеет два прочтения: а) букв. «помещаю их в ряды Чжоу», т. е. «рекомендую их на государственную службу» (этой интерпретации придерживаются раннеханьские комментаторы, считающие, что героиней стихотворения является мудрая правительница Тай-сы, занимающаяся поиском выдающихся людей для управления государством); б) букв. «ставлю ее [корзину] на большую дорогу» (в первых двух строках стихотворения идет речь о том, что героиня занимается сбором полевых трав, но не в состоянии набрать полную кор-

зину из-за занимающих ее мучительных дум). Фактически от правильной интерпретации этой (и ряда других) строки стихотворения зависит интерпретация всего стихотворения — речь идет то ли о политическом тексте, то ли о любовной элегии. Начиная с Чжу Си и вплоть до большинства современных комментариев и переводов более корректной считается вторая версия; но любопытно, что ни одно из прочтений не учитывает столь простую синтаксическую особенность поведения местоимения 彼 *bǐ* 'тот; его, ее, их', как неспособность его в языке ШЦ занимать позицию прямого дополнения — оно употребляется почти исключительно в атрибутивных функциях, и с этой точки зрения одинаково некорректными будут оба предлагаемых прочтения — как менее популярное (и скорее всего идеологически мотивированное, хотя для лингвистического анализа это нерелевантно) первое, так и более популярное второе. Ближе к истине, по-видимому, будет интерпретация строки как «идти по большой дороге» — либо о самой героине, либо о предмете ее воздыханий, — но подробный разбор всего контекста потребовал бы отдельной статьи.

Приведенный здесь пример показателен в первую очередь тем, что он показывает, на чем по-настоящему должен быть сконцентрирован лингвистический компонент комментария: в то время как для комментариев традиционного типа наиболее привлекательными объектами анализа являются, как правило, редкие, сложные, культурно обусловленные термины, для «нового» комментария в первую очередь важно, чтобы предлагаемые толкования и переводы не содержали очевидных нарушений с точки зрения базовых элементов текста — служебных слов, лексической сочетаемости, типовых синтаксических функций широкоупотребительных предикатов и т. п. Очень важно соблюдать (хотя и не «фетишизировать») принцип экономности, т. е. стараться, используя методы корпусного анализа, давать единообразные толкования одним и тем же словам и конструкциям, при этом не забывая проводить четкую грань между словом и записывающим его иероглифом, связь между которыми в ДК далеко не однозначна. Наконец, там, где языковая логика текста этого убедительно требует, комментарий имеет право «рисковать», предполагая, например, что для анализируемого слова была использована нестандартная иероглифическая запись или что анализируемое слово имело несколько иное чтение (и, возможно, семантически производное значение), чем предписывается среднекитайской фонетической традицией; на риски такого рода, в частности, исследователя могут подталкивать многочисленные вариации, уже известные из сопоставления канонической версии ШЦ с сохранившимися отрывками из неканонических, а также с результатами новейших археологических раскопок.

Разумеется, задача составления полного комментария такого рода ко всему тексту ШЦ требует колоссальной затраты усилий и вряд ли может в современных условиях быть выполнена одним человеком. Тем не менее определенный прогресс уже достигнут: по состоянию на 2016 г. «сырой»

лингвофилологический комментарий составлен автором статьи для первых двух подразделов ШЦ («Чжоу нань» и «Шао нань»), и в обозримое время можно ожидать появления более тщательно выверенных результатов в виде опубликованной монографии. Пока же вниманию читателя в качестве образца предлагается детальный комментарий к первым трем строфам самого первого (и одного из ключевых и наиболее известных) стихотворения ШЦ — «Гуань цзюй» («Кричит скопа»).

Приложение. Пример лингвофилологического комментария: стихотворение 關雎 *Guān jū* («Кричит скопа»), строфы 1–3[10]

Строфа 1

1.1.1.1.d	1.1.1.1.c	1.1.1.1.b	1.1.1.1.a
君	窈	在	關
子	窕	河	關
好	淑	之	雎
逑	女	洲	鳩

№	ДК	СК	НК
1.1.1.1.a.	kʷraːn kʷraːn tɕʰa **kru**	kʊ̯an kʊ̯an cʰi̯ɔ́ **kəw**	guān guān jū jiū
1.1.1.1.b.	dʑʰəːʔ gʰaːy tə **tu**	dzɤ́y ɣɑ tɕɨ **tɕəw**	zài hé zhī zhōu
1.1.1.1.c.	ʔiːwʔ Łiːwʔ dikʷ nraʔ	ʔíew díew dʑʊ̈k ŋɔ́	yǎo tiǎo shú nǚ
1.1.1.1.d.	kur cəʔ huːʔ **gu**	kün ci̯ɪ́ xɑ́w **gəw**	jūn zǐ hǎo qiú

Структура рифмы: **AA**B**A**, класс III (幽 A *-u*), ровный тон.

[10] Согласно классической ханьской традиции, это стихотворение, торжественно открывающее первый раздел ШЦ, повествует о моральной стойкости Тай-сы — главной жены полулегендарного основателя династии Чжоу Вэнь-вана (1152–1056 до н. э.), в обязанности которой, в частности, входило поддерживать гармонию и справедливость в царском гареме (о древнейших интерпретациях «Гуань цзюй» см. также в специальном исследовании [Asselin 1997]). В современной синологии стихотворение чаще рассматривается как типовой вариант свадебной песни.

Краткие пояснения к транскрипции: а) ДК и СК реконструкции приводятся согласно модели С. А. Старостина, но записаны здесь в транскрипции, близкой к общепринятому стандарту МФА, чтобы избежать детального комментария к прочтению каждого символа; б) современные китайские чтения приводятся в соответствии с общепринятой системой записи иероглифов в латинской транскрипции (*пиньинь*); в) по ходу текста комментария китайские слова сопровождаются либо современной транскрипцией (курсивом), либо, при необходимости, ДК транскрипцией (курсивом под звездочкой); цитаты из классических памятников или комментариев, сопровождаемые русским переводом, даются только в иероглифической записи для удобства читателей-синологов. Относительно прочих технических деталей (источники, аббревиатуры и т. д.) см. выше в разделе «Структура комментария».

Дословный перевод

1.1.1.1.a. *«Кврань-кврань»*[1], [*кричат*] *рыбные орлы*[2]
1.1.1.1.b. *на речном*[3] *острове*.
1.1.1.1.c. *Юная-изящная*[4] *милая*[5] *девушка*,
1.1.1.1.d. *Господину*[6] *хорошая пара*[7].

Комментарий

[1] «К в р а н ь - к в р а н ь» (關關 ДК **k^{w}raːn k^{w}raːn*, совр. *guān guān*).

Первое из многочисленных звукоподражаний, раскиданных по тексту памятника; здесь передает пение (возможно, брачную перекличку) «рыбных орлов» (см. ниже). Иероглиф 關, обычно используемый для записи омонимичного слова **k^{w}raːn* ʻзасов; запиратьʼ, выполняет в данном случае чисто фонетическую функцию. В словаре «Юй пянь» (VI в.) отмечено наличие графического варианта 喧 с тем же чтением.

Уже в словаре «Эръя» (II в. до н. э.) принято толкование этого звукоподражания как «гармоничное звучание» (音聲和; 和聲 в МЧ; у Чжу Си находим уже 雌雄相應之和聲 «гармоничное звучание взаимной переклички самца и самки»). Ни текстологических, ни этимологических оснований для такой интерпретации нет, так что следует предполагать, что она обусловлена общим стихотворным контекстом (см. ниже о центральной роли идеи «гармонии» в стихотворении). Само по себе звукоподражание вполне укладывается в общетипологические рамки: сочетания велярных согласных, огубленных гласных и вибрантов совершенно естественны для передачи птичьих звуков (ср. русск. *курлыкать*, *кукарекать* и т. п.).

[2] Р ы б н ы е о р л ы (雎鳩 ДК **tɕ^{h}a kru*, совр. *jū jiū*).

Вид птицы. Современное литературное чтение первого слога *jū* не вполне корректно: судя по СК *фаньце*[11], регулярным рефлексом было бы *qū*.

О каком конкретно виде птиц идет речь, не вполне ясно. Компонент 鳩 **kru* встречается в ШЦ как в автономной функции (1.2.1, 1.5.4 и др.), сам по себе обозначая какой-то вид птицы (скорее всего голубя), так и в качестве второго смыслового компонента, не только в комбинации 雎鳩 **tɕ^{h}a kru*, но и в составе двуслога 鳲鳩 **l̥iy kru* ʻкукушкаʼ, т. е. может выступать как родовой термин для обозначения птиц среднего размера. В этом случае двусложное сочетание может носить исходно идиоматический характер, что вполне подходит для ʻкукушкиʼ (если 鳲 **l̥iy* действительно = **l̥iy* ʻтело, труп → реплика, замещение → фальшивый, ненастоящийʼ); однако подходящих слов с ДК чтением **tɕ^{h}a*, которые могли бы как-то пролить свет на корректную идентификацию данной птицы, не обнаруживается (разве что 岨 **tɕ^{h}a* ʻземлистый холмʼ, что плохо согласуется со всеми филологическими комментариями).

[11] *Фаньце* (反切, букв. «переворачивание и разрезание») — традиционный метод условной передачи произношения иероглифа через чтение двух других, первый из которых имеет тот же начальный согласный, а второй — ту же финаль (рифму).

В ханьский период эта же птица, по-видимому, называлась 王雎 (совр. *wáng jū*, букв. «царская (птица)-*цзюй*»); такое толкование приводится и в словаре «Шовэнь цзецзы», и в МЧ. Компонент ʻцарский’ может в данном случае как указывать на общую исключительность, занимаемую в соответствующей иерархии (ср. 王蛇 *wáng shé* ʻудав’, букв. «царская змея» и др.), так и отражать традицию, непосредственно связанную с данным стихотворением (т. е. ассоциацию «рыбного орла» с царским двором Вэньвана). Дальнейшие комментарии, пытающиеся в первую очередь раскрыть аллегорический смысл термина, как правило, только запутывают ситуацию с идентификацией птицы, ср.:

а) в МЧ: 鳥摯而有別 *niǎo zhì ér yǒu bié*, «птица хищная и обособленная». Вряд ли следует сомневаться в том, что иероглиф 摯 здесь действительно записывает предикат *zhì* ʻбыть хищным’ (← КДК **titɛ* и далее, скорее всего из РДК **tip-s*, производного от глагола 執 **tip* ʻхватать, держать в руках’), однако ср. далее вторичный комментарий Чжэн Сюаня;

б) в МЧЦ: 摯之言至也, 謂王雎之鳥雌雄情意至然而有別 «摯 *zhì* — это 至 *zhì* ʻсовершенный’, имеется в виду, что [взаимные] чувства самца и самки царской птицы-цзюй доходят до такого предела, что они друг от друга обособляются». Автор комментария, по-видимому, творчески обыгрывает омонимию этимологически не связанных друг с другом предикатов 摯 *zhì* (КДК **titɛ* ← РДК **tip-s*) и 至 *zhì* (КДК **titɛ* ← РДК **tit-s*), но никаких аргументов в пользу того, что сложный и малоупотребительный знак 摯 мог по какой-то причине замещать на письме простой и широко употребительный знак 至 (а не наоборот!), не приводит, так что эту идеологизированную трактовку следует отвергнуть;

в) длинный комментарий в ШЦЧ: «*Цзюй-цзю* — водная птица. Иногда называется “царской цзю”. Из рода диких уток. Ныне водится в областях между реками Цзян [Янцзы] и Хуай. Партнера выбирает себе на всю жизнь и просто так не меняет. Часто разгуливают вместе, но при этом друг с другом не заигрывают. Поэтому в “Мао чжуань” и считается, что “птица хищная и обособленная”, а в “Ле нюй чжуань” считается, что “никогда не видели, чтобы они жили группой”; по-видимому, такова их природа». Любопытно, что в версии Чжу Си (которая, в свою очередь, восходит к более раннему утверждению сунского филолога Чжэн Цяо) птица из «рыбного орла» превратилась в «утку» — по-видимому, лишь для того, чтобы снять неудобные «хищные» коннотации.

Скорее всего речь действительно идет о «рыбном орле» — скопе (Pandion haliaetus), хотя в современном китайском языке это старое название не сохранилось (официальное название птицы — 鶚 *è*, разговорное — 魚鷹 *yú yīng*, букв. «рыбный сокол»); по крайней мере, по всем основным параметрам (гнезда устраивают рядом с водой; моногамны; к месту гнездования самцы и самки прилетают раздельно) данный вид вполне удовлетворяет как контексту стихотворения, так и элементам описания в старых комментариях.

[3] Р е к а (河 ДК *$g^ha:y$, совр. *hé*).

Это слово в ДК употребляется как в родовом значении ‘река’, так и применительно к конкретной реке Хуанхэ (‘река по умолчанию’); тем самым оно противопоставляется своему квазисинониму 江 (ДК *$kro:ŋ$, совр. *jiāng*) ‘река (вообще); р. Цзян = Чанцзян (Янцзы)’. Общепринятой является трактовка *$kro:ŋ$ как старого заимствования из мон-кхмерского источника (пра-МК *$*/kə-/ruŋ \sim */kə-/ruəŋ$ ‘река, канал’ [Shorto 2006: 212]), в то время как *$g^ha:y$, наоборот, имеет исконно сино-тибетское происхождение (← СТ *$K^ha:l$ ‘река; переправа’ = тиб. *r-gal* ‘переправа, переправляться’, качин. *u-k^hal* ‘переправа’ и др. [Peiros, Starostin 1996 (5): 86]).

Невозможно достоверно определить, идет ли в данном тексте речь конкретно о «Реке» (т. е. Хуанхэ) или об анонимной абстрактной реке (последнего мнения придерживается Чжу Си, который говорит об «общем названии для всех рек, протекающих в северных областях»), но в любом случае выбор слова *hé* (вместо *jiāng*) является серьезным аргументом в пользу «северного» происхождения стихотворения.

[4] Р е ч н о й о с т р о в (洲 ДК **tu*, совр. *zhōu*).

МЧ: 水中可居者曰洲, «место посреди реки, где можно жить, называется *чжоу*», т. е. именно ‘речной остров’, а не ‘отмель’, иногда фигурирующая в переводах и интерпретациях. Собственно говоря, на это значение отчасти намекает и исходная форма иероглифа 州 (без дополнительного ключа ‘вода’), символически изображающая клочок земли посреди водного потока (川). Впрочем, наиболее общее значение этого слова, по-видимому — ‘участок земли, обособленный от остальных’, так как оно же употребляется и в значении ‘область, провинция’ (ср. «девять областей-*чжоу*», на которые, согласно легенде, поделил после осушения потопа территорию Китая Великий Юй).

[5] Ю н а я - и з я щ н а я (窈窕 ДК *$ʔi:w^ʔ$ *$Li:w^ʔ$*, совр. *yǎo tiǎo*).

Как и многие другие аналогичные «позитивные» эпитеты с элементами фонетической игры, этот двуслог с большим трудом поддается четкой семантической интерпретации. Сам по себе он больше не встречается ни в одном из первичных ДК контекстов, хотя первый слог входит в состав еще одного, столь же редкого двуслога 窈糾 *$ʔi:w^ʔ$ *$kiw^ʔ$* со столь же неясным значением (1.12.8). За исключением очевидных фактов (двуслог фонетически организован как *де-юнь*, экспрессивное сочетание с одинаковыми финалями; двуслог является качественной и скорее всего позитивной характеристикой героини стихотворения), любые дальнейшие интерпретации могут строиться лишь на основании сравнения данных комментариев с возможными фонетико-графическими связями между обоими компонентами и другими ДК лексическими единицами.

МЧ толкует 窈窕 как 幽閒, букв. «темный (т. е. уединенный) и праздный (т. е. беззаботный, не обремененный суетой)». Первая корреляция

может в принципе определяться как фонетическая глосса, обусловленная созвучностью (РДК 窈 *ʔi:wʔ → ВХ *ʔiá:w; РДК 幽 *ʔiw → ВХ *ʔyəw), но еще важнее факт полного фонетического совпадения со словом 杳 (также ДК *ʔi:wʔ, совр. *yǎo*), часто встречающимся в лексике условно «чуского» слоя КДК памятников и ханьского периода и имеющим значение ʿтемный, смутный, далекийʾ. Более того, в словаре «Шовэнь цзецзы» и отдельных ханьских источниках встречается двуслог 杳窈 (где второй иероглиф фактически может считаться разнописью нашего 窕), толкуемый как ʿтемный, глубокий, лишенный солнечного светаʾ и т. п.

Таким образом, уже начиная с ханьского периода отчетливо видно желание интерпретировать данный эпитет в значении ʿуединенный, замкнутый, избегающий обществаʾ и т. п. В МЧЦ сказано уже вполне эксплицитно: 后妃之德和諧，則幽閒處深宮，«добродетель правительницы гармонична, поэтому она, скрываясь и отделяясь [от прочих], пребывает в глубине дворца». Частичный отход от этой трактовки начинается лишь в сунский период: Чжу Си, хотя и продолжая придерживаться старой интерпретации 窈窕 *yǎo tiǎo* как 幽閒, «скрытный и праздный», увязывает это с характеристикой героини стихотворения как «незамужней» женщины (т. е. правительницы Тай-сы до свадьбы с Вэнь-ваном), живущей в скромном уединении родительского дома.

Альтернативная трактовка, ассоциирующая анализируемый эпитет с идеей «красоты», уходит корнями в «Фанъянь» Ян Сюна, где слово 窕 *tiǎo* стоит в одном синонимическом ряду с целым рядом других диалектизмов, определяемых как 美 *měi* ʿкрасивыйʾ, причем диалектный ареал определяется как «Чэнь, Чу и земли к югу от Чжоу», что коррелирует с включением стихотворения «Гуань цзюй» в раздел «Песни к югу от Чжоу». Помимо этого любопытно, что в этом же пассаже «Фанъянь» содержится и такая квазиинформация: «Между Цинь и Цзинь о красивой внешности говорят 窕 *tiǎo* ‹…› о душевной красоте говорят 窈 *yǎo*» (чересчур буквально это сообщение воспринимать не следует, но оно как минимум косвенно подтверждает, что хотя бы в отдельных областях в ханьскую эпоху оба слова действительно могли встречаться в значении ʿкрасивыйʾ).

В отдельных циньских комментариях видны попытки как-то совместить оба толкования (например, у Ма Жуй-чэня); в словарях они обычно разводятся на подзначения, но с явным намеком на их исходную общность (ср. [БКРС (3): 566]: «1) уединенный, тихий, спокойный; 2) утонченный; очаровательный, прелестный; 3) далекий, удаленный»). Семантическая (и в особенности художественно обусловленная) связь между «удаленностью», «уединенностью» и «утонченностью» в принципе допустима для китайской образной мысли, но конкретно в рамках данного стихотворения выглядит сомнительно, а в свете диалектных данных Ян Сюна мы склонны считать ее вторичной.

Некоторый свет на эту проблему могут пролить возможные «словосемейные» связи анализируемых слогов с потенциально родственными

морфемами. С учетом данных классов рифм и фонетических серий иероглифики «оптимальной» реконструкцией нашего двуслога была бы последовательность **ʔiːwˀ Łeːwˀ*, но это нарушило бы его структуру *деюнь* (разные инициали, одинаковые финали); более вероятно все же **ʔiːwˀ Łiːwˀ*, особенно учитывая возможную орфографию 窈 для второго слога (с фонетиком 條 **liːw*). Если так, то:

а) первый компонент, 窈 **ʔiːwˀ*, можно исторически увязать с такими ДК словами как 幺 **ʔiːw* ʻмаленький, крошечный’, 幼 **ʔiw-h* ʻюный, молодой, младенец’. Их созвучность с другим ДК корнем, 幽 **ʔiw* ʻтемный, мрачный → уединенный → одинокий, далекий, заброшенный’ скорее всего случайна и должна анализироваться уже на уровне внешних (генетических и/или ареальных) связей ДК языка;

б) второй компонент, 窕 ~ 條 **Łiːwˀ*, может быть связан собственно со словом 條 **liːw* в значении ʻдлинный, протяженный → стройный, упорядоченный’, встречающемся уже в РДК памятниках.

Если эти гипотезы верны (а более убедительных этимологий для этих слов на данный момент нет), то перед нами скорее всего сдвоенный эпитет, первая часть которого отсылает к юности, а вторая — к изящности героини стихотворения. Что же касается коннотаций «замкнутости», «уединенности» и т. п., они скорее всего появились только в ранних филологических исследованиях текста, существенно повлияв на его официальную интерпретацию.

[6] М и л а я (淑 ДК **dikʷ*, совр. *shú*).

Эпитет **dikʷ* в РДК памятниках обнаруживается применительно к большому разнообразию объектов: так, в одном ШЦ сказать **dikʷ* можно и о женщине, и о мужчине, и о ʻгосподине’, и об усмиренных варварских племенах, и даже о неодушевленных объектах (淑旂 **dikʷ gər*, совр. *shú qí* ʻдоброе знамя’ (ШЦ 3.3.7); похожие случаи сочетания с ʻорудиями’, ʻколоколами’ и т. п. известны и из эпиграфических памятников). Фактически это слово похоже на когда-то достаточно нейтральный, но со временем превращающийся в высокостильный архаизм позитивный эпитет (ʻхороший’, ʻдобрый’), что отчасти подтверждается и внешнеэтимологическими параллелями (тиб. *s-dug* ʻприятный’, бирм. *thəuk* ʻбыть стоящим; быть удачливым’ [Peiros, Starostin 1996 (2): 160]).

В ранних комментариях, начиная с МЧ, 淑 *shú* обычно толкуется как 善 *shàn* ʻхороший, добродетельный, искусный’, без дальнейших пояснений; уже позже, например у Чжу Си, находим, что 淑 *shú* — якобы стандартный эпитет для ʻнезамужней женщины’ (女者未嫁之稱), откуда далее идет оттенок значения ʻчистая, непорочная, целомудренная’ (о женщине); присутствовал ли он в исходном тексте, сказать трудно — по крайней мере, для большинства других контекстов ШЦ, где это слово встречается, предположить его наличие затруднительно.

Отдельно стоит отметить, что в ряде словарей в качестве «исконной» семантики слова иногда приводится значение ʻчистый, прозрачный (о воде)ʼ. Такое толкование восходит непосредственно к словарю «Шовэнь цзецзы» и обусловлено графической структурой иероглифа (наличие ключа ʻводаʼ), но категорически не подтверждается текстовым корпусом; отметим, что в эпиграфических памятниках этот ключ отсутствует, т. е. мы имеем здесь дело с позднейшим графическим разграничением между 叔 *shú* ʻдядяʼ, 淑 *shú* ʻхороший, прекрасныйʼ и другими словами, ранее записывавшимися одним и тем же фонетиком.

[7] Господин (君子 ДК ***kur cəʔ***, совр. *jūn zǐ*).

Здесь, как и в любом другом памятнике, представляющем РДК период, идиоматическое сочетание 君子 *jūn zǐ* следует строго отграничивать от переносного философского значения ʻблагородный мужʼ, которое этот термин получил в конфуцианской традиции, и интерпретировать ближе к его буквальному значению. Последнее обычно передается на русском языке как ʻсын правителяʼ, подразумевая, таким образом, подчинительную связь между компонентами 君 *jūn* ʻгосподин, начальник, правительʼ и 子 *zǐ* ʻребенок, сынʼ; на самом деле уже для РДК известны случаи употребления 子 *zǐ* для нейтрального обозначения nomen agentis (например, 舟子 *zhōu zǐ* ʻлодочникʼ — вряд ли *ʻсын лодкиʼ), так что сочетание могло уже изначально быть образовано как вежливо-разговорное (ʻгосподин, сударьʼ, уважительное именование человека, занимающего более высокое социальное положение).

Единственное существенное ограничение на использование этого термина в ШЦ — оно строго используется лишь по отношению к лицам мужского пола (не за счет семантики слова 子 *zǐ*, которое может обозначать ʻчеловекаʼ, ʻребенкаʼ обоих полов, а за счет семантики строго «мужского» термина 君 *jūn* ʻправительʼ); отдельные якобы имеющие место исключения (например, в ШЦ 1.1.4) на поверку оказываются амбивалентными и допускают в том числе и «мужское» истолкование.

[8] Хорошая пара (好逑 ДК ***huːʔ gu***, совр. *hǎo qiú*).

Иероглиф 逑 в ДК памятниках встречается редко и, как правило, записывает слово ***gu*** ʻсобирать(ся), накапливать(ся)ʼ, которое, в свою очередь, проще всего рассматривать как одно из переносных значений широко употребительного предиката 求 *qiú* (ДК ***gu***) ʻпросить, искать, добыватьʼ. Однако в данном контексте это значение неприменимо, и уже в МЧ это слово однозначно определяется как 匹 *pī* ʻштука, один (объект из пары)ʼ. Начиная с МЧЦ общепринято считать, что в канонической орфографии ШЦ 逑 может быть вариантом более употребительного знака 仇 (в том же значении) — что хорошо подтверждается контекстом в ШЦ I.I.7: 公侯好仇 *gōng hóu hǎo qiú* ʻ[они (воины)] для гуна и хоу (местных властителей. — *Г. С.*). хорошая параʼ, т. е. надежная защита.

Взаимозаменимость 逑 и 仇 легко объяснима в плане фонетики, так как в состав обоих знаков входят сходные фонетические компоненты (ДК 求 **gu* и 九 **kʷəʔ* соответственно). Однако ситуация значительно усложняется в ханьскую эпоху, когда ДК **gu* не только регулярно развилось в **gyəw* (со смягчением заднеязычного согласного), но и, по-видимому, в отдельных диалектах начало произноситься близко к **dzəw*, т. е. фактически совпало по своему произношению с поздне-ДК 讎 **dzəw* ← РДК **du* ‘враг, оппонент, противник’. Поскольку семантическая связь между значениями ‘один (из пары)’ и ‘противник’ напрашивается сама собой, неудивительно, что в словаре «Шовэнь цзецзы» 仇 **gu* просто толкуется как 讎 **du*, т. е. ‘один (из пары)’ = ‘враг, противник’.

Эта же ассоциация незамедлительно проникает и в филологические толкования, ср. в МЧЦ: 怨耦曰仇 ‹…› 善女能為君子和好眾妾之怨者 ‘обиженный партнер зовется *цю* ‹…› добродетельная жена способна ради господина примирить обиженных наложниц’. Чжэн Сюань, таким образом, ловко синтезирует в одном слове два семантических компонента — к нейтральному ‘парному объекту’ (耦 *ǒu*) присоединяется ‘обиженный, недовольный, злобный’ (怨 *yuàn*), взятый из слова-омонима. Вслед за этим прилагательное 好 *hǎo* ‘хороший’ реинтерпретируется как каузативный глагол ‘сделать хорошим, улучшить, усовершенствовать’, и вся строка получает радикально иную интерпретацию — «(для господина) улучшить обиженных партнеров», т. е. устранить завистливые раздоры в царском гареме (предполагается, что таковой должна быть функция идеальной главной жены верховного правителя). К счастью, эта трактовка была отброшена уже Чжу Си, который вернулся к безусловно верной интерпретации сочетания 好逑 как именной группы — что намного точнее коррелирует с использованием обоих слов в других контекстах ШЦ.

Единственное дополнительное синтаксическое допущение, объединяющее обе трактовки, — это то, что в обоих случаях для цепочки «господин-хорошая-пара» (или «господин-улучшить-пару») предполагается допустимое в поэтическом тексте опущение служебного предиката (предлога) «для, ради» («полная» прозаическая версия строки скорее всего должна была бы иметь вид *為君子好逑 *wèi jūn zǐ hǎo qiú*). Теоретически «господин» мог бы быть и субъектом фразы, но в трактовке МЧЦ это невозможно в принципе (так как «примирителем» может выступать только супруга), а в корректной трактовке Чжу Си и др. — маловероятно («хорошей парой» в данной ситуации уместнее считать «юную-изящную милую девушку», а не «господина»).

Строфа 2

1.1.1.2.d	1.1.1.2.c	1.1.1.2.b	1.1.1.2.a
寤	窈	左	參
寐	窕	右	差
求	淑	流	荇
之	女	之	菜

№	ДК	СК	НК
1.1.1.2.a.	sʰrəm sʰray graːŋʔ sʰəːh	cʰim cʰe ɣə̋iŋ cʰʌy	cēn cī xìng cài
1.1.1.2.b.	caːyʔ wəʔ **ru** tə	cə́ ɦə́w **ləw** tɕi	zuǒ yòu liú zhī
1.1.1.2.c.	ʔiːwʔ Łiːwʔ dikʷ nraʔ	ʔíew díew dʑük ŋő	yǎo tiaǒ shú nǔ
1.1.1.2.d.	ŋaːh mitɛ **gu** tə	ŋò mi̯ì **gəw** tɕi	wù mèi qiú zhī

Структура рифмы: ABCB, класс III (幽 A -u, ровный тон).

Дословный перевод

1.1.1.2.a. *Неровны*[1] *кувшинки*[2],
1.1.1.2.b. *налево-направо несет их по течению*[3].
1.1.1.2.c. *Юная-изящная милая девушка*,
1.1.1.2.d. *Во сне и в бодрствовании*[4] *стремится к ней*.

Комментарий

[1] Неровны (參差 ДК **sʰrəm sʰray*, совр. *cēn cī*).

Фонетически организованный двуслог с одинаковыми инициалями («асимметрично» противопоставленный в третьей строке повтору двуслога *ʔiːwʔ Łiːwʔ* с одинаковыми финалями). В ранних (ханьских) комментариях толкования не имеет, но уже в сунскую эпоху Чжу Си объясняет это сочетание как 長短不齊之貌, «не одинаковые по длине».

В этимологическом плане проще обстоит дело со вторым иероглифом, который чаще всего используется в ДК для записи слова **sʰraːy* (совр. *chā*) ‘различаться, быть в избытке или недоставать; остаток, разница’ и т. п. Частотное слово **sʰraːy* и редкое **sʰray* могут быть связаны друг с другом количественным вокалическим чередованием (грамматические функции которого в ДК остаются неясными, но само наличие которого не подлежит сомнению) и, таким образом, косвенно эта связь может подтверждать идею «неровности», «неоднородности». Отметим, что хотя само по себе это слово в ДК не встречается, в том же ШЦ есть еще один двуслог с его участием: 差池 **sʰray Łay* (I, 3, 3), где второй компонент также имеет самостоятельное значение ‘косой, неровный’ (эпитет применяется к ласточкам, по-видимому, для описания их наклонного полета).

Хуже обстоит дело с первым компонентом двуслога, 參 **sʰrəm*, который в ряде неканонических версий (сохранившихся, в частности, в виде

цитат в словаре «Шовэнь цзецзы») может также записываться расширенными знаками 椮 и 篓 (с детерминативами ‘дерево’ и ‘бамбук’ соответственно). Чаще всего этот знак применяется для записи фонетически сходного слова 參 **sʰəːm* (совр. *cān*) ‘быть втроем; тройной’, производного от числительного 三 **səːm* (совр. *sān*) ‘три’ и не имеющего с идеей «неровности», «неодинаковости» очевидных общих компонентов. То, что в нужном нам значении иероглиф часто расширяется «растительными» детерминативами, указывает на то, что речь идет об эпитете, типично применяемом к растительности, но уверенно выйти на дальнейшие парадигматические связи этого слова не удается.

Большинство западных и отечественных переводчиков придерживаются общей трактовки Чжу Си в анализе данного двуслога (ср. у Легга: «here long, there short, is the duckweed» [Legge 1871: 4]; у Карлгрена: «of varying length is the *hing* waterplant» [Karlgren 1950: 2]; у Штукина: «то коротки здесь, то длинны кувшинок листы» [Шицзин 1957: 9] и т. п.), но следует помнить, что по существу эта интерпретация покрывает только второй компонент, в то время как исходная семантика первого остается неясной.

[2] Кувшинки (荇菜 ДК **graːŋʔ sʰəːh*, совр. *xìng cài*).

Основное лексическое значение в этом двуслоге несет первый компонент 荇 **graːŋʔ*; второй представляет собой родовой термин, условно переводимый как ‘зелень, (совр.) овощи’ и обозначающий любого рода растения (изначально, по-видимому, дикие, но в дальнейшем и культурные), годные в пищу или для лекарственных целей, что подтверждает его внутренняя этимология — имя **sʰəː-h* является суффиксальным производным от глагола 采 **sʰəːʔ* ‘собирать’ (→ ‘то, что собрано’).

Термин 荇 **graːŋʔ* уже в МЧ толкуется как 接余 (ДК **cap-la*, совр. *jiē-yù*), сочетание, встречающееся в различных орфографических вариантах и скорее всего буквально переводимое как «то, что прилегает к тростнику (камышу)»; обычно в словарях под этим понимается растение Nymphoides peltatum (болотоцветник) — водное растение с густой листвой и ярко-желтыми цветами, лишь отдаленно напоминающее стандартную «кувшинку» (хотя в литературных целях перевод «кувшинки» безусловно допустим). Отметим, что уже в ханьских текстах иероглиф 荇 нередко встречается и в орфографическом варианте 菪, что, в свою очередь, заставляет задуматься о возможной связи с полностью омонимичным 杏 **graːŋʔ* (совр. *xìng*) ‘абрикос, абрикосовое дерево’ — хотя прямой анализ названия нашего растения как ‘абрикосовая трава’ вряд ли уместен (никакого сходства между цветами болотоцветника и абрикоса нет).

[3] Несет их по течению (流之 ДК **ru tə*, совр. *liú zhī*).

Как среди классических китайских комментаторов, так и среди современных исследователей широко распространено мнение, что иероглиф

流 в этой строке на самом деле не передает глагол ‘течь’, а является разноnисью или просто ошибочным написанием какого-то другого предиката, фонетически близкого к ДК **ru*. Так, уже в МЧ 流 **ru* толкуется как 求 **gu* ‘искать’ — что, впрочем, не следует толковать буквально, так как глагол 求 **gu* внутри этой же строфы составляет рифму к 流 **ru*, т. е. речь может идти лишь о приписывании первому слову дополнительного значения, близкого по семантике к ‘искать’. В цинской школе (Ван Нянь-сунь, Ма Жуй-чэнь и др.) было распространено мнение, что за знаком 流 скрывается редкое слово 撩 (ДК **raw*, совр. *liáo*) ‘доискиваться’ (это же мнение из современных исследователей в своем словаре разделяет А. Шюсслер [Schuessler 1987: 389]). Еще одну альтернативу приводит Б. Карлгрен, указывающий на фонетическую близость 流 **ru* к имени 罶 **ru*ʔ ‘верша, корзинка для ловли рыбы’ и к глаголу 留 **ru* ‘задерживать, останавливать’, вероятно являющемуся для него производящей основой [Karlgren 1964: 86–87].

Понятно, что все эти версии призваны в первую очередь восстановить «идеальный» параллелизм между анализируемой строкой («слева и справа добываем/удерживаем их») и параллельными ей строками в 4-й и 5-й строфах («собираем их», «сортируем их»). Однако, на наш взгляд, существенных оснований для того, чтобы не доверять канонической орфографии, здесь нет, так как для описываемого водного растения было бы совершенно естественно сперва подчеркнуть его нахождение в воде. Сомнения может вызывать переходное употребление предиката 流 **ru* ‘течь’, который в ШЦ более нигде не сочетается с объектным местоимением 3-го л. 之 **tə*; однако такого рода случаи, хотя и не очень часто, все же наблюдаются в ДК корпусе, и нет ничего странного в безличной конструкции, буквально означающей «направо-налево *течет их*», т. е. «несет по течению». Использование же в данном контексте знака 流 **ru* для записи частичного омонима, напротив, вызывает сомнения, так как это умышленно привело бы к двусмысленности. Что же касается параллелизма, то со строго синтаксической точки зрения параллелизм между всеми тремя строками все равно остается безупречным (нулевой субъект + переходный предикат + 之 **tə* ‘их’, т. е. ‘растения’).

[4] Во сне и в бодрствовании (寤寐 ДК **ŋaːh mitɛ*, совр. *wù mèi*).

ДК глаголы 寤 **ŋaːh* ‘бодрствовать’ и 寐 **mitɛ* ‘спать’ являются полноценными антонимами, и поэтому естественна интерпретация данного сочетания как переносного: ‘во сне и в бодрости’, т. е. ‘все время, непрерывно’ — по этому же принципу устроен такой известный ДК двуслог как 夙夜 (ДК **suk liah*, совр. *sù yè*) ‘с утра до ночи’, т. е. ‘24 часа в сутки’, хотя здесь составными компонентами являются имена, а не предикаты. Аналогичный пассаж, также в контексте томления героя по прекрасной девице, встречается и в другом стихотворении ШЦ: 寤寐無為 *wù mèi wù wéi*, «во сне и в бодрствовании предаюсь недеянию» (1.12.10.1).

В некоторых комментариях цинской школы (например, у Ма Жуй-чэня) встречается любопытная версия, согласно которой связь между этими двумя словами следует считать скорее подчинительной, чем сочинительной, а глагол 寤 **ŋaːh* ‘бодрствовать’ якобы имеет здесь то же значение, что и графически сходное с ним слово 寱 (редкое «полное» графическое начертание более стандартного 夢) **mhəŋh* ‘мечтать, видеть сны; сновидение’. Такая интерпретация на самом деле уходит корнями в старое толкование словаря «Шовэнь»: 晝見而夜寱 *zhōu jiàn ér yè mèng*, «видеть (что-л.) днем и видеть (об этом) сны ночью», не подтверждаемое данными текстов; с общесемантической точки зрения допускать для одного и того же предиката почти противоположные значения ‘бодрствовать’ и ‘видеть сон’ допустимо лишь при условии омонимии, но в данном случае это совершенно излишне.

Строфа 3

1.1.1.3.d	1.1.1.3.c	1.1.1.3.b	1.1.1.3.a
輾	悠	寤	求
轉	哉	寐	之
反	悠	思	不
側	哉	服	得

№	ДК	СК	НК
1.1.1.3.a.	gu tə pə **təːk**	gəw tɕi pəw tʌk	qiú zhī bù dé
1.1.1.3.b.	ŋaːh mitɛ sə **bək**	ŋò mi̯ì si̯i̯ bük	wù mèi sī fú
1.1.1.3.c.	l^hu tɛəː l^hu tɛəː	yəw cʌy yəw cʌy	yōu zāi yōu zāi
1.1.1.3.d.	tranʔ tronʔ panʔ **tɛrək**	ʈén ʈu̯én pu̯án cə̯k	zhǎn zhuǎn fǎn cè

Структура рифмы: AABA, класс II (職 *-ək*, входящий тон).

Дословный перевод

1.1.1.3.a. *Ищет ее и не находит*,
1.1.1.3.b. *Во сне и в бодрствовании мысли (его) покорены*[1].
1.1.1.3.c. *Как далеко, как далеко*[2]*!*
1.1.1.3.d. *Вертится-крутится*[3]*, на бок поворачивается*.

Комментарий

[1] Мысли покорены (思服 ДК **sə bək*, совр. *sī fú*).

Этот пассаж, ввиду уникальности сочетания, представляет собой одно из самых сложных для (однозначного) понимания место в разбираемом стихотворении. Исходя из общей структуры первых двух строк, мы должны видеть здесь предикативную группу, имеющую тот же субъект, что и предыдущая строка («ищет и не находит» — скорее всего о герое в поисках героини стихотворения). Сложность заключается в том, что оба слога многозначны:

а) предикат 服 **bək*, с одной стороны, имеет физическое значение ʻлежать (ничком), падать ниц, простираться’ (в этом значении он и в ШЦ, и в более поздних памятниках часто имеет альтернативную графическую реализацию 伏); с другой стороны — общее абстрактное значение ʻпокоряться, подчиняться’, по-видимому, исторически производное от ʻпадать ниц’, от которого возможно дальнейшее семантическое развитие в сторону ʻслужить, нести службу’ (именное значение ʻодежда, платье’, которое также записывает этот иероглиф, скорее всего следует считать омонимом, и о нем здесь речь идти не может);

б) иероглиф 思 обычно записывает ДК предикат **sə* ʻдумать; держать что-л. в мыслях’ или его именную реализацию ʻдумы, мысли, мечты’; помимо этого, в ШЦ он часто употребляется в функции «пустого слога», который способен как префигироваться к некоторым предикатам, так и суффигироваться к ряду имен без очевидной модификации значения.

Очевидно, что без сложного контекстного анализа это место открыто для огромного разнообразия интерпретаций. Так, уже в МЧЦ Чжэн Сюань пишет: 服事也求賢女而不得覺寐則思己職事當誰與共之乎 «服 *fú* — это 事 *shì* ʻслужить’; (она) ищет достойных женщин и не находит; (едва) проснувшись от сна, уже думает о тех, кто мог бы с ней разделить служебные обязанности». Таким образом, Чжэн Сюань, опираясь на глубоко переносную семантику предиката, «подтягивает» строку к общей интерпретации, согласно которой речь во всей этой строфе (и во всем стихотворении) идет о супруге Вэнь-вана Тай-сы, озабоченной поисками «добродетельных жен» в гарем правителя. Однако даже в чисто лингвистическом плане этой интерпретации напрямую противоречит тот факт, что в переносном значении ʻслужить (кому-л., чему-л.)’ предикат 服 *fú* должен непременно сочетаться с объектом, например 亦服爾耕 *yì fú ěr gēng*, «(ты) еще сильнее подчинись своему плугу» (ШЦ 4.1.2.2) и т. п.

Чжу Си, справедливо отвергая эту трактовку, предлагает вместо нее еще более субъективную: согласно ШЦЧ, 服 *fú* — это 懷 *huái* ʻзаботиться, переживать (о ком-л.)’, но никаких аргументов в пользу наличия у данного слова такого значения нет. Не сильно облегчают положение и трактовки цинских комментаторов: так, Ма Жуй-чэнь вообще предлагает считать 思 *sī* «пустым словом» (см. выше), а 服 *fú*, через сложную цепочку аргументов, наоборот, считать смысловым эквивалентом 思 *sī* ʻдумать’ (!). В конечном итоге эта трактовка поддерживается и Карлгреном, который в поддержку толкования 思 *sī* и 服 *fú* как дублирующих друг друга смысловых эквивалентов приводит следующий контекст: 服念五六日 *fú niàn wǔ liù rì* ʻподумай (об этом) пять-шесть дней’ (Шуцзин, Кан гао), где предикат 服 *fú* образует двуслог с предикатом 念 *niàn* ʻдумать’ [Karlgren 1964: 87]. Уникальность этого контекста, однако, ставит интерпретацию под сомнение, не говоря уже о том, что ничто не мешает буквально понять сочетание как «подчини (это) (своим) мыслям на пять-шесть дней».

Странно, что ни один из перечисленных комментариев не использует для аргументации наиболее близкий (хотя и несколько иначе устроенный в синтаксическом плане) к анализируемому контекст: 無思不服 *wú sī bù fú* (ШЦ 3.1.10.6), букв. «нет-мысли-не-подчиняться» — конструкция с двойным отрицанием, фактически представляющая собой эмфатический вариант нашего 思服 *sī-fú* и, самое главное, указывающая на его синтаксическую характеристику: субъект 思 *sī* ‘мысли’ и пассивный предикат 服 *fú* ‘подчинены, покорены’. В тексте 3.1.10 речь идет о правителе Вэнь-ване, после воцарения которого «на западе и на востоке, на юге и на севере не осталось непокорных мыслей», т. е. таких, которые не перестроились бы под благодетельным влиянием совершенномудрого правителя; это же значение в целом подходит и для нашего случая, хотя здесь речь идет о несколько другой ситуации («мысли» героя стихотворения «подчинены» думам о героине).

[2] К а к д а л е к о , к а к д а л е к о (悠... 悠 ДК **l^{h}u... l^{h}u*, совр. *yōu*).

Предложение в целом является восклицательным. Единственный (редуплицированный для большей экспрессивности) предикат 悠 **l^{h}u* имеет в РДК два значения: а) ‘далекий, отдаленный’ и б) ‘грустный, печальный’, которые на самом деле легко сводятся друг к другу: ‘находиться в отдалении (от кого-л., чего-л.)’ → ‘томиться (по кому-л., чему-л.)’. Действительно, в ШЦ этот предикат неизменно используется либо в прямом значении (悠悠蒼天 *yōu yōu cāng tiān*, «далекое-далекое голубое Небо»; 悠悠我里 *yōu yōu wǒ lǐ*, «далека-далека моя деревня» и т. п.), либо в ситуации, когда речь идет о переживаниях из-за разлуки (ср. ШЦ 1.11.9.2: 我送舅氏, 悠悠我思 *wǒ sòng jiù shì, yōu yōu wǒ sī*, «провожаю дядю, далеки-далеки мои мысли» → ‘думаю о том, кто от меня далеко’ и т. п.). В итоге мы имеем здесь дело со своеобразным концептом «эмоционально окрашенного отдаления» (по сравнению с таким вполне нейтральным термином, как 遠 *yuǎn* ‘далекий’, также очень частотным в ШЦ), не имеющим подходящего лексического эквивалента в русском языке.

[3] В е р т и т с я - к р у т и т с я (輾轉 ДК **tran^{ʔ} tron^{ʔ}*, совр. *zhǎn zhuǎn*).

Этот двуслог представляет собой фонетически организованный *шуан-шэн* (комбинация из двух слогов с одинаковыми инициалями). В такого рода сочетаниях нередко частотным и легко переводимым оказывается один из двух слогов, в то время как второй, подобранный по созвучности, не всегда даже имеет собственное автономное значение, или может оказаться очень редким словом, или представлен в редком переносном значении и т. п. В данном случае «базой» *шуан-шэн* можно считать слово 轉 *zhuǎn* (**tron^{ʔ}*) ‘поворачивать(ся)’, широко представленное уже в РДК памятниках (ср. ШЦ 1.3.1.3: 我心匪石, 不可轉也 *wǒ xīn fěi shí, bù kě zhuǎn yě*, «мое сердце не камень, (его) нельзя повернуть» и т. п.).

По сравнению с ним созвучное слово 輾 **tran*ʔ, наоборот, проблемно, и большинство классических комментаторов пытаются вывести его значение из общего контекста, ср. в МЧЦ: 卧而不周曰輾 *wò ér bù zhōu yuē zhǎn*, «лежать и не поворачиваться (т. е., по-видимому, на 360˚. — *Г. С.*) называется *чжань*», и в ШЦЧ: 輾者轉之半, 轉者輾之周 *zhǎn zhě zhuǎn zhī bàn, zhuǎn zhě zhǎn zhī zhōu*, «*чжань* — это половина от *чжуань*, *чжуань* — это целое от *чжань*», т. е. имеется в виду, что слово *чжуань* описывает полный оборот (на 360˚), а *чжань* — полуоборот (на 180˚). Такая интерпретация забавна, но формалистична и не находит реальных подтверждений в текстах.

На самом деле уже цинскими комментаторами указывалось, что иероглиф 輾 (отсутствующий в словаре «Шовэнь цзецзы») — поздняя графическая разновидность обычного 展, знака, традиционно записывающего глагол **tran*ʔ ‘раскрывать, разворачивать, распространять’. Хотя сам по себе этот глагол начинает активно употребляться не ранее классического периода, он, тем не менее, производит впечатление исконно китайского слова, а семантическое поле его вполне хорошо согласуется с идеей беспокойного ворочания героя (‘быть раскрытым, развернутым’ → ‘вытягиваться’, ‘ерзать’ и т. п.).

Литература

БКРС — Большой китайско-русский словарь / Под ред. И. М. Ошанина: В 4 т. М.: Наука, 1983.

Кравцова 1994 — *Кравцова М. Е.* Поэзия Древнего Китая: Опыт культурологического анализа. СПб.: Петерб. востоковедение, 1994.

Ли Сюэцинь 1999 — Мао ши чжэн и / Ли Сюэцинь бянь. Пекин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 1999.

Лисевич 1994 — *Лисевич И. С.* Бамбуковые страницы. Антология древнекитайской литературы / Сост., вступит. ст., коммент. И. С. Лисевича. М.: Вост. лит., 1994.

Ма Жуй-чэнь 1989 — *Ма Жуй-чэнь*. Мао ши чжуань цзянь тун ши. Пекин: Чжунхуа шуцзюй чубань фасин, 1989.

Смирнов 2014 — *Смирнов И. С.* О некоторых особенностях становления и эволюции лирической традиции в Китае // *Смирнов И. С.* Китайская поэзия: в исследованиях, заметках, переводах, толкованиях. М.: РГГУ, 2014. С. 13–42. (Orientalia et Classica: Тр. Ин-та вост. культур и античности; Вып. LV).

Старостин 1989 — *Старостин С. А.* Реконструкция древнекитайской фонологической системы. М.: Наука, 1989.

Старостин 2012 — *Старостин Г. С.* К вопросу о методологии языкового анализа древнекитайских текстов (ч. 1) // Вестник РГГУ. Сер. «Востоковедение. Африканистика». 2012. № 20 (100). С. 216–248.

Старостин 2016 — *Старостин Г. С.* К вопросу о методологии языкового анализа древнекитайских текстов (ч. 2) // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2016. № 3 (12). С. 93–116.

Хуайнаньцзы 2016 — Философы из Хуайнани (Хуайнаньцзы) / Пер. с кит., вступит. ст. и примеч. Л. Е. Померанцевой. М.: Вост. лит., 2016.

Хуань Куань 2001–2002 — *Хуан Куань*. Спор о соли и железе (Янь те лунь) / Пер. с кит., коммент. Ю. Л. Кроля: В 2 т. М.: Вост. лит., 2001–2002.

Чжу Си 1961 — *Чжу Си.* Ши цзи чжуань. Сянган: Чжунхуа шу цзюй, 1961.

Шицзин 1957 — Шицзин / Пер. А. А. Штукина; Под ред. Н. Т. Федоренко. М.: Изд-во АН СССР, 1957.

Asselin 1997 — *Asselin M. L.* The Lu-School reading of 'Guanju' as preserved in an Eastern Han *fu* // Journal of the American Oriental Society. Vol. 117. No. 3. 1997. P. 427–443.

Baxter 1992 — *Baxter W. H.* A handbook of Old Chinese phonology. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1992.

Baxter, Sagart 2014 — *Baxter W. H., Sagart L.* Old Chinese: A new reconstruction. Oxford: Oxford Univ. Press, 2014.

Boltz 1994 — *Boltz W. G*. The origin and early development of the Chinese writing system. New Haven: American Oriental Society, 1994.

Cikoski 2011 — *Cikoski J*. Notes for a lexicon of Classical Chinese (version 14.7). Saint Mary's, Georgia: The Coprolite Press, 2011.

Dobson 1968 — *Dobson W. A. C. H*. The language of the Book of Songs. Toronto: Univ. of Toronto Press, 1968.

Gassmann, Behr 2008 — *Gassmann R. H., Behr W*. Antikchinesisch — Ein Lehrbuch in zwei Teilen: 2 Bd. Bern: Peter Lang, 2008.

Karlgren 1950 — *Karlgren B*. The Book of Odes. Chinese text, transcription and translation. Stockholm: Museum of Far Eastern Antiquities, 1950.

Karlgren 1957 — *Karlgren B*. Grammata Serica Recensa. Stockholm: Museum of Far Eastern Antiquities, 1957.

Karlgren 1964 — *Karlgren B.* Glosses on the Book of Odes. Stockholm: Museum of Far Eastern Antiquities, 1964.

Kern 2003 — *Kern M.* Early Chinese poetics in the light of recently excavated manuscripts // Recarving the dragon: Understanding Chinese poetics / Ed. by O. Lomová. Prague: Charles Univ., 2003. P. 27–72.

Kern 2005 — *Kern M.* The *Odes* in Excavated Manuscripts // Text and ritual in Early China / Ed. by M. Kern. Seattle; London: Univ. of Washington Press, 2005. P. 149–193.

Kuang 2005 — *Kuang Yu Chen*. The Book of Odes: A case study of the Chinese hermeneutic tradition // Chinese hermeneutics in historical perspective. Interpretation and intellectual change / Ed. by Tu Ching-I. New Brunswick; London: Transaction Publishers, 2005. P. 47–64.

Legge 1871 — *Legge J*. The *She King* (Classic of poetry). London: Henry Frowde, 1871.

Peiros, Starostin 1996 — *Peiros I., Starostin S*. A comparative vocabulary of five Sino-Tibetan languages. Fascicles I–VI. Melbourne: Univ. of Melbourne, 1996.

Qiu 2000 — *Qiu Xigui*. Chinese writing / Trans. by G. L. Mattos, J. Norman. Berkeley: Univ. of California, 2000.

Sagart 1999 — *Sagart L.* The roots of Old Chinese. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1999.

Schuessler 1987 — *Schuessler A*. A dictionary of Early Zhou Chinese. Honolulu: Univ. of Hawai'i Press, 1987.

Schuessler 2007 — *Schuessler A.* ABC etymological dictionary of Old Chinese. Honolulu: Univ. of Hawai'i Press. 2007.

Schuessler 2009 — *Schuessler A.* A minimal old Chinese and Later Han Chinese: A companion to *Grammata Serica Recensa*. Honolulu: Univ. of Hawai'i Press, 2009.

Shorto 2006 — *Shorto H. L.* A Mon-Khmer comparative dictionary / Ed. by P. Sidwell. Canberra: Australian National Univ., 2006.

Wang 1974 — *Wang C. H.* The Bell and The Drum: Shih Ching as formulaic poetry in an oral tradition. Berkeley: Univ. of California Press, 1974.

The Old Chinese poetic anthology *Shījīng*: Towards a linguistic-philological commentary

Starostin, George S.
PhD (Candidate of Science in Philology)
Director, Laboratory of Oriental Studies, School of Advanced Studies in the Humanities, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospect Vernadskogo, 82
Tel. +7 (499) 956-96-47
E-mail: gstarst1@gmail.com

Abstract. The paper offers a brief justification for a new type of "linguistic-philological" commentary that could be a useful companion for classic Old Chinese texts. Within such a commentary, elements of a purely philological analysis, inherited from the Chinese tradition itself, could be organically and systematically integrated with and cross-checked against the latest achievements in Old Chinese etymology, lexicology, and grammatical studies. More specifically, I discuss the basic structure of such a commentary for the *Shījīng* ("Book of Songs"), the oldest and one of the most culturally significant collections of Chinese poetry, and one that has been the object of detailed philological study for more than 2000 years, as well as being the principal provider of material for historical studies on Early Old Chinese phonology, grammar, and lexicon in the 20th century. The structure is then illustrated with an actual example (several stanzas from the very first poem of the *Shījīng*, *Cry of the Ospreys*).

Keywords: linguistic and philological commentary, Chinese philology, Old Chinese language, classical Chinese poetry, Shijing

References

Asselin, M. L. (1997). The Lu-School reading of 'Guanju' as preserved in an Eastern Han *fu*. *Journal of the American Oriental Society, 117*(3), 427–443.

Baxter, W. H. (1992). *A handbook of Old Chinese phonology*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter.

Baxter, W. H., Sagart, L. (2014). *Old Chinese: A new reconstruction*. Oxford: Oxford Univ. Press.

Boltz, W. G. (1994). *The origin and early development of the Chinese writing system*. New Haven: American Oriental Society.

Cikoski, J. (2011). *Notes for a lexicon of Classical Chinese (version 14.7)*. Saint Mary's, Georgia: The Coprolite Press.

Zhū Xǐ (1961). *Shī jí zhuàn* [Assembled notes on the *Shījīng*]. Hong Kong: Zhōnghuá shū jú. (In Chinese).

Dobson, W. A. C. H. (1968). *The language of the Book of Songs*. Toronto: Univ. of Toronto Press.

Filosofy iz Khuainani (Khuainan'szy) [Philosophers from Huainan (The Huáinánzi)] (2016). (L. E. Pomerantseva, Trans. from Chinese, Intro. and Notes). Moscow: Vostochnaia literatura. (In Russian).

Gassmann, R. H., Behr, W. (2008). *Antikchinesisch — Ein Lehrbuch in zwei Teilen* (Vols. 1–2). Bern: Peter Lang. (In German).

Huan Kuan' (2001–2002). *Spor o soli i zheleze (Ian' te lun')* [Huán Kuān. Discourses on Salt and Iron (Yán tiě lún)]. (Iu. L. Krol', Trans. from Chinese, Comment.) (Vols. 1–2). Moscow: Vostochnaia literatura. (In Russian).

Karlgren, B. (1950). *The Book of Odes. Chinese text, transcription and translation*. Stockholm: Museum of Far Eastern Antiquities.

Karlgren, B. (1957). *Grammata Serica Recensa*. Stockholm: Museum of Far Eastern Antiquities.

Karlgren, B. (1964). *Glosses on the Book of Odes*. Stockholm: Museum of Far Eastern Antiquities.

Kern, M. (2003). Early Chinese poetics in the light of recently excavated manuscripts. In O. Lomová (Ed.). *Recarving the dragon: Understanding Chinese poetics*, 27–72. Prague: Charles Univ.

Kern, M. (2005). The *Odes* in Excavated Manuscripts. In Kern, M. (Ed.).*Text and ritual in Early China*, 149–193. Seattle; London: Univ. of Washington Press.

Kravtsova, M. E. (1994). *Poeziia Drevnego Kitaia: Opyt kul'turologicheskogo analiza* [The poetry of Ancient China. An attempt at a culturological review]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie. (In Russian).

Kuang, Yu Chen (2005). The Book of Odes: A case study of the Chinese hermeneutic tradition. In Ching-I, Tu (Ed.). *Chinese hermeneutics in historical perspective. Interpretation and intellectual change*, 47–64. New Brunswick; London: Transaction Publishers.

Legge, J. (1871). *The She King (Classic of poetry)*. London: Henry Frowde.

Lǐ, Xuéqín (Ed.) (1999). *Máo shī zhèng yì* [The true meaning of Mao's Shī]. Běijīng: Běijīng dàxué chūbànshè. (In Chinese).

Lisevich, I. S. (Comp., Intro., Notes) (1994). *Bambukovye stranitsy. Antologiia drevnekitaiskoi literatury* [Bamboo pages: An anthology of Ancient Chinese literature]. Moscow: Vostochnaia literatura. (In Russian).

Mǎ, Ruì-chén (1989). *Máo shī zhuàn jiān tóng shī* [General explanation of the "Notes on Mao's Shī"). Běijīng: Zhōnghuá shūjú chūbàn fāxíng. (In Chinese).

Oshanin, M. (Ed.) (1983). *Bol'shoi kitaisko-russkii slovar'* [Large Chinese-Russian dictionary] (Vols. 1–4). Moscow: Nauka. (In Russian).

Peiros, I., Starostin, S. (1996). *A comparative vocabulary of five Sino-Tibetan languages*. *Fascicles I–VI*. Melbourne: Univ. of Melbourne.

Qiu, Xigui (2000). *Chinese writing*. (Mattos, G. L., Norman, J., Trans.). Berkeley: Univ. of California.

Sagart, L. (1999). *The roots of Old Chinese*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins.

Schuessler, A. (1987). *A dictionary of Early Zhou Chinese*. Honolulu: Univ. of Hawai'i Press.

Schuessler, A. (2007). *ABC etymological dictionary of Old Chinese*. Honolulu: Univ. of Hawai'i Press.

Schuessler, A. (2009). *A minimal old Chinese and Later Han Chinese: A companion to Grammata Serica Recensa*. Honolulu: Univ. of Hawai'i Press.

Shtukin, A. A. (Trans.), Fedorenko, N. T. (Ed.) (1957). *Shitszin* [Shījīng]. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR. (In Russian).

Shorto, H. L. (2006). *A Mon-Khmer comparative dictionary.* (Sidwell, P., Ed.). Canberra: Australian National Univ.

Smirnov, I. S. (2014). O nekotorykh osobennostiakh stanovleniia i evoliutsii liricheskoi traditsii v Kitae [On certain aspects of the genesis and the evolution of the Chinese lyrical tradition]. In Smirnov, I. S. *Kitaiskaia poeziia: v issledovaniiakh, zametkakh, perevodakh, tolkovaniiakh* [Chinese poetry: Studies and notes, translations and interpretations], 13–42. Moscow: RGGU. (In Russian).

Starostin, G. S. (2012). K voprosu o metodologii iazykovogo analiza drevnekitaiskikh tekstov (ch. 1) [On the methodology of linguistic analysis of Old Chinese Texts, part 1]. *Vestnik RGGU* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities]*, ser. "Vostokovedenie. Afrikanistika"* [Oriental and African Studies], no. 20 (100), 216–248. (In Russian).

Starostin, G. S. (2016). K voprosu o metodologii iazykovogo analiza drevnekitaiskikh tekstov (ch. 2) [On the methodology of linguistic analysis of Old Chinese Texts, part 2]. *Vestnik RGGU* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities]*, ser. "Istoriia. Filologiia. Kul'turologiia. Vostokovedenie"* [History. Culture Studies. Oriental Studies], no. 3 (12), 93–116. (In Russian).

Starostin, S. A. (1989). *Rekonstruktsiia drevnekitaiskoi fonologicheskoi sistemy* [Reconstruction of the Old Chinese phonological system]. Moscow: Nauka. (In Russian).

Wang, C. H. (1974). *The Bell and the Drum: Shih Ching as formulaic poetry in an oral tradition*. Berkeley: Univ. of California Press.

Starostin, G. S. (2016). The Old Chinese poetic anthology *Shījīng*: Towards a linguistic-philological commentary. *Shagi / Steps, 2*(2–3), 7–39